

О. А. Абеленцева

Рыбные ловли Успенского Тихвинского монастыря в XVII в.: получение прав на владение и проблемы их реализации

Предлагаемая статья посвящена изучению особенностей процесса получения Успенским Тихвинским монастырем прав на владение рыбными ловлями, их документального оформления и трудностей, связанных с реализацией этих прав. Рыба являлась одним из основных продуктов питания на монастырской трапезе, так как традиционно в русских монастырях мясо в пищу не употреблялось. В Успенском Тихвинском монастыре для приготовления блюд использовалось не менее 15 наименований рыбы¹. Частично она покупалась, но основу составляла рыба, выловленная на монастырских рыбных ловлях. Объем вылова позволял обитатели не только обеспечивать себя, но и получать доход от продажи рыбы и икры. Например, в 1629/30 г. он составил 161 р., или 10 % от денежного прихода². В XVI в., до получения монастырем новых пожалований от династии Романовых доход от продажи рыбы был более значим и составлял 25 % от суммы прихода³.

Промысловое значение имели монастырские рыбные ловли (тони) Шишкова (она же Сишкова, вероятно, название произошло от названия рыбы — сиг) на реке Волхове и тоня Ковач с колом⁴ Ковач на Свири. Наличие у монастыря волховской тони Шишковой в Ладожском присуде Водской пятины было зафиксировано в дозорных книгах Обонежской пятины Новгородского уезда Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина 1582/83 г.

и Мины Дмитриевича Лыкова и подьячего Якова Гневашева 1619/20 г. в разделе о монастырских угодьях: «Тоня середняя сиговая на реке на Волхове, что была преже того оброчная Федоровская Остафьева, да Михайловская Берденева, да Матвеевская Павлова сына Телятева, да Офромеевская Куретнива»⁵. Как следует из записи, ранее эта ловля была на оброке за новгородскими боярами. Монастырь должен был платить с нее оброк 10 р. 60 к. в год⁶. Указанная в дозорных книгах сумма не подтверждается данными других источников. Согласно записям монастырской расходной денежной книги за 1590–1592 гг. и четырем сохранившимся подлинным отписям (квитанциям) об уплате оброка за 1589/90–1592/93 гг. оброк и пошлины с тони Шишковой составляли 6 р. 33 к.⁷ В отписях сказано, что ранее тоня была на оброке у ладожских посадских людей Петра Ветошника с товарищами, а монастырем получена в 1589/90 г. по грамоте царя Федора Ивановича за приписью думного дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова⁸. В указной грамоте царя Василия Шуйского, подтверждающей права монастыря на волховскую и свирскую тони, упоминается грамота монастырю царя Федора Ивановича с размером оброка за тоню Шишкову 6 р. 33 к.⁹ В 1623 г. и далее с тони Шишковой уплачивался такой же оброк¹⁰. То есть с 1589 по 1623 г. в основном оброк составлял 6 р. 33 к. Вероятно, расхождение данных дозорных книг с другими источниками объясняется тем, что до дозора 1582/83 г. тоня была передана на оброк монастырю на зафиксированных в нем условиях, после дозора ее перекупили ладожские посадские люди, но в 1589/90 г. старцам удалось вновь ее получить за меньший оброк, а записи об оброчных тонях в дозорной книге 1619/20 г. были скопированы из книги 1582/83 г. как из приправочной без внесения поправок о изменившемся платеже. О том, что права монастыря на тоню Шишкову оспаривались другими оброчниками и после получения грамоты 1589/90 г., свидетельствует запись расходной денежной книги 1590–1592 гг.: в мае 1592 г. соборный старец Феодосий Базлов отправился в Москву «челом бити о тоне о Сишкове»¹¹.

Оброчная грамота царя Федора Ивановича 1589/90 г. не сохранилась, но кратко изложена в указной грамоте царя Василия Шуйского от 11 февраля 1607 г.¹², из которой следует, что ему для подтверждения была предъявлена не сама грамота царя Федора Ивановича, а грамота Лжедмитрия I с предшествующих оброчных грамот. Согласно этой грамоте, новгородским властям запрещалось отдавать тоню другим оброчникам «из наддачи» (т.е. за большую плату), должностным лицам останавливаться на ней на постой и брать какие-либо поборы. В XVI в. оброчные грамоты могли оформляться как от имени царя¹³, так и по его распоряжению¹⁴, но выдавались они на имя получателя — плательщика оброка. Грамота царя Василия Шуйского от 11 февраля 1607 г. оформлена в виде указной с прочетом¹⁵, адресованной новгородскому дьяку Ивану Федотьеву. На ней имеется помета дьяка приказа Большого дворца Афиногена Геленищева от 2 февраля следующего 1608 г., запрещающая Федотьеву брать с ловли натуральный оброк рыбой и икрой, взимаемый с других рыбных

ловель на Волхове. В приписке перечислены основные виды рыбы, добываемые на тони, — сиг, лодога, сырть и икра сиговая. В жалованной грамоте, выданной Успенскому Тихвинскому монастырю 26 сентября 1621 г. царем Михаилом Федоровичем¹⁶, рыбные ловли на Волхове и Свири не упомянуты, так как оставались оброчными. Вероятно, со временем потребовалось подтверждение прав на них монастыря от новой правящей династии, и 26 июля 1638 г. по челобитной игумена Герасима с братией была дана указная с прочетом грамота царя Михаила Федоровича новгородскому воеводе князю Юрию Яншеевичу Сулешову, дьякам Филиппу Арцыбашеву и Петру Лутохину о передаче этих ловель монастырю в безоброчное пользование «к чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Одигитрия впрок на фимиян и на ладан»¹⁷. Оброк с тони был «выложен» из новгородских приходных книг и записан в ружную.

Однако ни в этой грамоте, ни в предшествовавшей ей указной царя Василия Шуйского ничего не было сказано о доле в этой ловле новгородского Духова монастыря, а размер оброка указан за тонию целиком. Согласно отписям (квитанциям) об уплате оброка за 1590–1593 гг., монастырю принадлежали три четверти тони, но он же платил оброк и за четвертую четверть, которая «на оброке ни за кем не сыскана»¹⁸, а по отписи за 1599 г. было уплачено за три четверти тони 4,5 р.¹⁹ Вероятно, тихвинским старцам не удалось получить эту четверть ловли, и она была отдана Духову монастырю. Спор с ним пытались урегулировать в 1597 г. — указной грамотой царя Федора Ивановича новгородским властям было запрещено брать оброк с Успенского Тихвинского монастыря за четверть тони, принадлежавшую Духову монастырю, а ловцам последнего использовать для ловли «запасы» (вероятно, снаряжение) тихвинцев²⁰. Дополнительную информацию об истории этого спора за ловлю дают несколько сохранившихся отписей конца начала XVII в. об уплате оброка²¹, формуляр которых включал клаузулы с именами предыдущих оброчников и основаниями передачи тони монастырю. Данные отписи за 1600 г. новгородского дьяка Дмитрия Алябьева можно интерпретировать так: четверть тони Шишковой была всё же отделена Успенскому Тихвинскому монастырю: «Да тое же тони Шишковы с четвертые чети по государеве грамоте за приписью дияка Смирного Васильева и по отдельным книгам Падоры Ласунского Тихфина же монастыря на игумене Иосифе з братьею оброку полтора рубли пошлин два алтына три денги, с рубля по десяти денег пошлин же полторы денги, с рубля по денге»²². Но в следующей отписи за 1601 г. после ссылки на ту же грамоту и отдельную книгу сказано: «А ловити тое четь тони духовские в 107-м году безоброчно, а ныне та четверть тони ловити духовским же в третьей год в 110-м году безоброчно же»²³. По отписи 1602 г. тихвинские старцы заплатили, как и в 1599 г., оброк только за три четверти тони в размере 4 р. 50 к.²⁴ Анализ отписей и указной грамоты царя Федора Ивановича²⁵ позволяет предположить, что тоня была поделена на следующих условиях — Духов монастырь ловил рыбу на своей четверти тони безоброчно каждый третий год, а в другие годы оброк за эту

четверть платил Успенский Тихвинский монастырь. В дальнейшем в отписях не упоминаются бывшие оброчники тони и документы, на основании которых взят оброк²⁶, за исключением отписи 1633 г.²⁷ Вероятно, это явилось следствием изменений, произошедших в делопроизводстве после «смутного» времени. С 1639 г. тоня Шишкова стала безоброчной, но в монастырских расходных денежных книгах имеются записи о судебных делах с Духовым монастырем за тонию и об уплате тихвинскими старцами духовским денег за их четвертую часть²⁸. В 1628 г. духовскому игумену Леониду удалось взыскать с тихвинских старцев 30 рублей убытков («пролова»)²⁹, но в 1629 и 1631 гг. судебные споры между монастырями продолжались³⁰. Вероятно, духовских иноков не устраивала сумма компенсации за их долю в ловле размером в два рубля в год, что равнялось стоимости всего одной бочки соленой рыбы и не соответствовало упущенной выгоде. Согласно отписи от 8 июля 1637 г. игумен Духова монастыря Иона принял два рубля оброка от игумена Успенского Тихвинского монастыря Герасима с условием, что «впредь им на тое тони без зговору нашей четвер³¹ тони выти не ловить»³², но отписи о выплатах небольших сумм Духову монастырю встречаются и в последующие годы³³. Указная грамота 1638 г. о передаче ловель на Волхове и Свири Успенскому Тихвинскому монастырю в безоброчное пользование была подписана на имя царей Алексея Михайловича в 1646 г. и Федора Алексеевича в 1678 г. Она же вместе с двумя другими грамотами, считавшимися ветхими, была переписана в новую указную с прочетом грамоту царя Федора Алексеевича новгородскому воеводе Юрию Михайловичу Одоевскому и дьяку Петру Кудрявцеву от 5 июня 1678 г., подтвержденную в 1694 г. царями Иваном и Петром Алексеевичами³⁴. Несмотря на то что весь XVII в. монастырь владел ловлей Шишковой (с 1638 г. — безоброчно) по указным грамотам, в которых не были зафиксированы совладельцы или какие-либо ограничения, это не дало ему возможности получить тонию целиком и избежать судебных разбирательств и выплат Духову монастырю.

Вторая промысловая оброчная тоня Ковач на Свири снабжала монастырь лососем. История документального оформления этого пожалования такая же, как и у тони Шишковой. Она была написана за монастырем в тех же дозорных книгах 1582/83 г. и 1619/20 г. — «тоня Ковач, вверх по Свири триста сажень, а вниз по реке по Свири сто сажень». Оброк и пошлины с нее составляли 3 р. 18 к.³⁵, что соответствует данным расходной книги об уплате оброка и пошлин с тони за 1591/92 г.³⁶ Время получения ловли на оброк можно установить лишь приблизительно. В указной грамоте царя Василия Шуйского от 11 февраля 1607 г., переписанной с грамоты Лжедмитрия I, сказано, что это произошло при игумене Германе (1571–1581 гг.), монастырю дали на оброк «на реке Свири новоприбылые рыбные ловли тонию Ковач Верхней да за Свирью рекою кол Ковач»³⁷. В ранее названной указной грамоте царя Михаила Федоровича от 26 июля 1638 г. пересказана челобитная тихвинских старцев, согласно которой оброк с ловли на Свири не уплачивался с 1617/18 по 1635/36 г., так как

с «немецкого разоренья» ловля не использовалась. Однако данные монастырских расходных книг, сохранившихся с 1623 г., не подтверждают это. Даже в самый тяжелый период после пожара, случившегося в монастыре 29 июня 1623 г. и полностью уничтожившего все деревянные постройки, с июля по октябрь 1623 г. с ловли на Свири было привезено более 44 бочек рыбы³⁸. Точное число установить невозможно, так как оно указывалось только в тех случаях, когда для перевозки нанимали посадских людей, а для монастырских слуг записывалась только сумма дорожных расходов. Доставка одной бочки со Свири в монастырь наемными перевозчиками стоила 15 к. Вместе с тоней Шишковой тоню Ковач в 1638 г. записали в ружные книги как пожалованную «на фимиян и на ладан», неуплаченный оброк за прошлые годы указали не взимать³⁹. На «Плане судоходной реки Свири» 1792 г. из сочинения Н. Я. Озерецковского⁴⁰ тоня Ковач показана в месте впадения в Свирь реки Шоткусы, т. е. примерно в 22 км от свирского устья. Ниже по течению располагались рыбные ловли других монастырей и новгородского митрополита. В 1648 г. ловцы низовых тонь, желая увеличить уловы, стали перегораживать реку колами более чем на две трети, а в оставшейся части ставили сети на ночь, что, с точки зрения тихвинских старцев, являлось нарушением царского указа. Ссылки на какой-то конкретный указ в документе нет. Вероятно, такие нормы существовали, так как в Соборном уложении 1649 г. зафиксирован запрет наглухо перегораживать судоходные реки⁴¹. Из-за действий ловцов низовых тонь рыба, поднимающаяся из Ладожского озера в Свирь и ее притоки на нерест, доходила до тони Ковача не в прежнем объеме. По челобитной тихвинских старцев была дана указная грамота царя Алексея Михайловича губному старосте Обонежской пятины Постнику Путятину о расследовании по этому делу⁴². В распорядительной части указной грамоты акцент делается не на какой-либо указ о запрете перегораживать реку, а на выяснение того, был ли нарушен ранее существовавший порядок. Староста провел досмотр ловель, записал обыскные речи волостных людей и ответчиков по делу, но последние отрицали, что ставят колы более чем на две трети⁴³. В июне 1668 г. новгородский митрополит Питирим поручил своему посельскому старцу на Свири Игнатию расследовать дело между тихвинскими и софийскими ловцами. У Успенского Тихвинского монастыря с сермакскими крестьянами Софийской вотчины в совместном владении была тоня Попадья, расположенная на Свири несколько ниже тони Ковач. По словам тихвинских старцев, сермакшане переставили свой ворот (приспособление для ловли рыбы) на 10 сажень ближе к тихвинской части тони и подъезжали с большими неводами под самый кол Ковач, причиняя монастырю убытки⁴⁴. В 1678 г. тихвинские старцы снова подали челобитную на владельцев колов на устье Свири, утверждая, что те не только полностью перегораживают реку, но и незаконно ставят дополнительные колы⁴⁵. Данная ситуация показывает, что на участках реки, пригодных для рыболовства, плотность сооружений для ловли была значительной, что периодически приводило к конфликтам.

Согласно дозорным книгам 1582/83 и 1619/20 гг., кроме промысловых монастырь располагал ловлями в его вотчинах — безоброчными колами на реке Тихвине около монастыря и на реке Воложке, оброчным колом на реке Рыбежне и ловлей в озере Рыбежном. О спорах за ловлю на реке Тихвине у нас сведений нет, вероятно, потому что вокруг находились монастырские вотчины. Судебное дело о ловлях на реке Рыбежне и в озере Рыбежно с помещиками Харламовыми относится к 1661 г. По указной грамоте царя Алексея Михайловича новгородский воевода боярин князь Иван Борисович Репнин и дьяк Иван Углецкий направили наказную память губному старосте Нагорной половины Обонежской пятины Новгородского уезда Афанасию Редрикову. Из ее содержания следует, что спорная ситуация возникла задолго до 1661 г. Помещик Федор Михайлович Харламов получил Рыбежну и озеро Рыбежно взамен 10 четвертей пашни еще в 1648/49 г.⁴⁶ Вероятно, эти ловли тогда не использовались монастырем, и нарушение прав заметили не сразу. Харламов подал челобитную о зачете угодья в четвертную пашню, затем губным старостой Постником Путьятым был проведен «обыск» о принадлежности ловель среди священников и жителей Антоньевского Дымского и Климентовского Колбежского погостов, которые сказали, что угодья никому не принадлежат, далее был произведен отдел. В 1661 г. ловлями владели уже сын покойного Федора Харламова Василий с братьями. Тихвинские старцы основывали свой иск на записях в дозорных книгах и утверждали, что во время «обыска» 1648/49 г. намеренно не были опрошены жители Пречистенского Тихвинского погоста. В наказной памяти от 25 июня 1661 г. даны ссылки на статьи Соборного уложения 1649 г., в частности на 63 ст. XVI гл. (о приоритете сведений писцовых книг по отношению к показаниям «обыскных людей») и на 162 ст. X гл. (о наказаниях солгавшим во время «обыска»)⁴⁷. Решение по делу приняли в пользу монастыря. Губной староста Афанасий Редриков составил отводную книгу, а монастырь получил выпись из нее от 20 августа 1661 г. При этом наказная память воеводы в выписи названа отказной грамотой⁴⁸. Важно отметить, что в данном случае по указной грамоте и наказной памяти на основании дозорных книг сразу была составлена отводная книга и получена выпись из нее как правоустанавливающий документ на владение.

Самую длительную тяжбу с помещиками сопредельных земельных участков монастырь вел за безоброчную ловлю на реке Воложке (притоке реки Сяси) в Воскресенском Липенском погосте Обонежской пятины Новгородского уезда. Эта ловля была написана за монастырем в ранее названных дозорных книгах 1582/83 и 1619/20 гг. Она являлась угодьем к деревне Тарасино⁴⁹. Как и на Свири, на Воложке возник конфликт с владельцами рыбных колов, расположенных ниже по течению реки. Монастырские власти утверждали, что помещики Петровского Мелегижского погоста не имеют права ставить свои колы на Воложке ниже кола монастыря, так как ловли этого погоста в дозорных книгах написаны на реке Сяси⁵⁰.

В 1655, 1660 и 1668 гг. по челобитным старцев Успенского Тихвинского монастыря в Великий Новгород посылались указные грамоты о ликвидации помещичьих колов на реке Воложке, на их основе новгородские воеводы и дьяки отправляли наказные памяти губным старостам Обонежской пятины, колы сносились, но со временем опять восстанавливались помещиками. В наказных памятях в качестве обоснования прав монастыря на ловлю указана запись в дозорной книге 1582/83 г. Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузьмина. Тихвинские старцы всякий раз просили власти дать им «отказную грамоту» на эти угодья⁵¹. Ранее было сказано, что в деле о рыбной ловле на реке Рыбежне «отказной грамотой» названа наказная память с распоряжением составить отводные книги. К сожалению, в нашем распоряжении нет царских указных грамот в Великий Новгород по делу о ловлях на Воложке, на основании которых давались наказные, и мы не можем установить, где именно игнорировалась просьба о выдаче «отказной грамоты» — в Москве или в Великом Новгороде. В четвертой наказной с прочетом памяти⁵² воеводы Ивана Петровича Пронского и дьяка Ермолая Воробьева от 15 июня 1672 г. губному старосте Ульяну Дубасову сообщается, что именно было предпринято по предыдущим памятям. После получения первой наказной помещичьи колы были всё же сняты Ульяном Дубасовым, но восстановлены владельцами. Губной староста Афанасий Редриков также ликвидировал неуказные колы, после чего в 1668 г. помещики, «опасаяся от великого государя за то свое многое ослушание и за насильства пени или наказания», подали «ложносложительную» челобитную с целью ликвидировать монастырскую ловлю, но им было отказано. Упоминается также, что в предшествующих челобитных монастыря заявлялось об увечьях и бесчестье, нанесенных помещичьими ловцами старцам монастыря, за что «от великого государя пени им не бывало и по се время»⁵³, т. е. конфликт порой принимал острые формы. В апреле 1672 г. помещик Федор Селивачев с товарищами вновь поставил кол на Воложке. Монастырские власти подали очередную челобитную об этом старосте Ульяну Дубасову, но он, действуя «по свойству и по дружбе», «норовя» помещикам, не снес рыбные колы, а произвел досмотр, в который включил сказки (объяснения по делу) самого Федора Селивачева и вдовы Федора Неплюева Матрены. С точки зрения монастырских властей, староста не был уполномочен проводить следственные действия, так как такого указания не было в наказной памяти. В челобитной старцев, пересказанной в наказной памяти 1672 г., права монастыря обосновываются записями в дозорных книгах 1582/83 г., 1619/20 г. и предшествующими тремя наказными памятями. Тихвинские старцы просили выдать им наказную «память с прочетом», предписывающую всякий раз ломать помещичьи рыбные колы «без поновки», и обещали представить роспись убытков. В итоге снова было приказано снести помещичьи колы в присутствии понятых, нарушителям — помещикам и старосте — обещаны большие пени, а их людям и крестьянам — жестокое наказание в случае ослушания в будущем.

Но спор за ловли на Воложке был далек от завершения. Согласно данным указной с прочетом грамоты царя Федора Алексеевича от 17 ноября 1676 г. новгородскому воеводе князю Никите Семеновичу Урусову и дьяку Ивану Дмитриеву⁵⁴, излагающей челобитную тихвинских старцев, сын помещика Федора Селивачева Никита Селивачев в 1672/73 г. подал челобитную о ввозной грамоте на поместье его сестры, прилегающее к берегу Воложки. При этом он сговорился («стакался») с неназванным новгородским подьячим о том, чтобы дать к челобитной выпись из писцовой книги Обонежской пятины Новгородского уезда Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина 1563/64 г., в которой имелись сведения о помещичьих колах на Воложке⁵⁵. С точки зрения тихвинских властей, это было неправомерно, так как книга 1563/64 г. по указу царя Михаила Федоровича, выданному по челобитной новгородских дворян и детей боярских всех пятин, была в числе «старых заповедных отставных» книг, из которых не следовало давать выписи. Тихвинцы просили грамоту с прочетом на владение ловлями, которую и получили, а Никите Селивачеву в случае ослушания обещано было наказание согласно Соборному уложению. Кроме того, по словам тихвинских старцев, по их челобитной в 1673/74 г. в Великий Новгород был прислан указ, согласно которому следовало «о тех старых отставных книгах указ учинить против прежнего челобитья Степана Зиновьева»⁵⁶, права на поместье которого пытались оспорить на основании записей в старых книгах.

Позиция помещика Никиты Селивачева изложена в его челобитной, пересказанной в указной с прочетом грамоте царей Ивана и Петра Алексеевичей новгородскому воеводе Федору Семеновичу Урусову, дьякам Василию Мануйлову и Семену Дядькину от 10 марта 1684 г.⁵⁷ По словам Селивачева, в 1673/74 г. новгородский воевода боярин Петр Васильевич Шереметев решил дело о ловлях по двум приговорам в его пользу. На этом основании ему была выдана правая память с прочетом и печатью Новгородского государства, а угоды на Воложке записаны во ввозную грамоту и даточные книги. Селивачев утверждал, что старцы в своей новой челобитной не упомянули о состоявшемся решении суда, и дело не может быть вновь начато, так как после состоявшегося в его пользу приговора 1673/74 г. и до 29 января 1676 г. (дня кончины царя Алексея Михайловича) власти монастыря не подавали новых челобитных по делу, а такие поместные споры по именному указу от 17 марта 1676 г. не подлежат пересмотру⁵⁸. Никита Селивачев в обоснование своих прав ссылался на 24 ст. XVII гл. Соборного уложения 1649 г., подтверждающую права помещиков на угоды «по старине»⁵⁹ и на грамоту 1674/75 г., присланную в Великий Новгород из приказа Большого дворца, согласно которой митрополиту и монастырям также разрешалось владеть угодьями «по старине», если они не написаны в последних писцовых книгах и на них у владельцев не имеется грамот.

В свою очередь, тихвинские старцы обвиняли подьячего, ранее «норовившего» Никите Селивачеву, в том, что он, по получении воеводой Иваном

Васильевичем Бутурлиным указной грамоты от 1682/83 г. с требованием сообщить, по какому именно указу новгородские книги 1563/64 г. «отставлены» и прислать с него список, многое «в выписку и в отписку написал ложно»⁶⁰. Например, что в челобитной помещика Семена Зиновьева, по которой в 1669/70 г. было указано «отставить» старые книги, речь шла о книгах 1495/96 г., а челобитная новгородских дворян и детей боярских всех пятин о прекращении использования книг, составленных до 1582/83 г., в Новгородской приказной палате не найдена. Также подьячий утаил царские указные грамоты об «отставке» книг 1640/41 и 1669/70 годов и утверждал, что тихвинские власти в 1680/81 г. сами брали выпись из «отставленной» книги о «прописных» (пропущенных при составлении книги) землях. Не упомянул подьячий наказную память от 15 июня 1672 г. и указную грамоту от 17 ноября 1676 г.⁶¹

В результате разбирательства 25 ноября 1683 г. из Новгородской приказной палаты в Москву направили ответ о том, что использовать «отставные» книги было запрещено указом царя Алексея Михайловича от 1669/70 г. по делу о поместье Степана Никитина сына Зиновьева⁶² и предоставили список с него. Относительно указа об «отставке» старых книг по подписной челобитной помещиков всех пятин в отписке сказано, что на это был дан именной указ царя Михаила Федоровича с пометой думного дьяка Михаила Данилова. Этот указ, вероятно, не сохранился, так как о нем было «выписано ис столпа новгородских дачь 149-го году»⁶³. В этой же отписке от 25 ноября 1683 г. отмечалось, что в указах об «отставке» книг нет должной конкретики: «И то де знатно, что те старые книги 7072-го году и другие 7004-го году всех пятин вместе отставлены, потому что велено дела делать по последним книгам 91-го году всех пятин. Да и потому знатно, что те обе старые книги вместе отставлены: тем книгам 7004-го году, на которые бил челом Степан Зиновьев, особой никакой отставки не было, что в челобитье Степана Зиновьева про те книги 7072-го году не имяновано, потому что у него до тех книг дела не было. А про те книги 7004-го году, на которые бил челом Степан Зиновьев, в указе деда нашего великих государей блаженные памяти великого государя 149-го году имянно про отставку не написано, а написано: велено все книги старые отставить, а дела делать по последним писцовым книгам 91-го году всех пятин»⁶⁴. Также было пояснено, что самому Успенскому Тихвинскому монастырю в 1681 г. была дана выпись из «отставной» книги 1563/64 г. на том основании, что речь шла о вотчинных, а не поместных землях, пропущенных в дозорных книгах 1582/83 г. и 1619/20 г., о которых не было спорных дел.

После слушанья царями Иваном и Петром Алексеевичем выписки из дела «в комнате» по их указу состоялся боярский приговор в пользу монастыря на тех основаниях, что книги 1495/96 и 1563/64 г. отставлены, а дело подлежит пересмотру, так как речь в нем идет не о поместьях, а о вотчинах⁶⁵. 6 июля 1684 г. земский дьячок Иван Ульянов наконец составил отводную книгу на рыбные ловли Успенского Тихвинского монастыря на реке Воложке⁶⁶ и дал из нее

выпись⁶⁷. Ранее названные подлинные указные грамоты 1655, 1672 и 1684 гг. еще долго оставались актуальны, и в 1764 г. были отправлены в Коллегию экономики в качестве документов, подтверждающих права монастыря на угодье⁶⁸.

Вероятно, использование помещиками Петровского Мелегижского погоста старых писцовых книг в споре с Успенским Тихвинским монастырем явилось одной из причин того, что по указу от 12 октября 1687 г.⁶⁹ все книги, составленные до 1581/82 г., в том числе и книга Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина 1563/64 г.⁷⁰, были взяты в Москву в Новгородский приказ. Тяжба за ловлю на Воложке длилась без малого 30 лет⁷¹. Вероятно, в связи с небольшой шириной реки здесь бесполезно было устанавливать определенную длину заграждений для прохода рыбы, как это пытались делать на Свири. Вполне понятно, что помещикам Петровского Мелегижского погоста казался неправомерным запрет ловить рыбу в реке, протекавшей у их владений, но действующее законодательство защищало права собственников, имеющих угодья, окруженные чужими землями⁷².

Подобная ситуация возникла и с рыбными ловлями на реках Веряже и Малой Веряжке, принадлежавших приписному к Успенскому Тихвинскому новгородскому Николаевскому Мостицкому монастырю, находившемуся в Поозерье Шелонской пятины Новгородского уезда. После «смутного» времени Мостицкий монастырь был возобновлен только в 1651/52 г. Его старец-строитель Сергей предпринял усилия для возвращения монастырю безоброчных рыбных ловель на реках Малой Веряжке и Веряже, протянувшихся вдоль берегов последней на 10 верст⁷³, тогда как монастырские земли граничили с рекой на протяжении только трех верст. Старец Сергей в своей челобитной ссылаясь на переписную книгу Ивана Володимерова 1647/48 г. Но в ней, согласно выписи в судном деле, указана только рыбная ловля на реке Веряже: «Да у того ж монастыря угодья рыбная ловля на реке Веряже, а в реке Веряжке и в ручье в Легоще про рыбные ловли к тому монастырю ничево не написано»⁷⁴. Неизвестно, что послужило приправочными материалами к книге 1647/48 г., так как в писцовой книге 1497/98 г. Матвея Ивановича Валуева и дозорной 1581/82 г. Леонтия Аксакова эти ловли не упоминаются⁷⁵. По наказной памяти воеводы Юрия Петровича Буйносова-Ростовского и дьяка Исака Кудрина от 20 июля 1652 г. приказчиком дворцового села Ракомо Андреем Постниковичем Скрипчевым было проведено расследование («обыск») и взяты свидетельские показания старожилов, которые подтвердили принадлежность ловель монастырю на том основании, что ранее, «до немецкого разоренья» крестьяне брали их на оброк у старцев монастыря⁷⁶. Со времени запустения монастыря новгородские власти отдавали ловли на оброк светским лицам, в 1652 г. в окладной приходной книге Дворцового приказа они числились за посадским человеком Никифором Федоровым, сумма оброка и пошлин составляла 5 р. 94 к. Дело между Никифором Федоровым и старцем Сергием было решено в пользу Мостицкого монастыря⁷⁷. 3 марта 1653 г. подьячий Савин Яковлев составил отводные книги на ловли⁷⁸

и выдал выпись из них монастырю: «И в отводных книгах подьячего Савина Яковлева 161-го году написано. Отведено в вотчину Никольского Мостицкого монастыря строителю старцу Сергию река Веряжа от софейские мельницы вниз по Егорьевские ворота, да Малая речка Веряжка от тое же софейские мельницы до пустоши до Горок, да ручей Легоща от пустоши Ногощи до реке до Веряжи. А как бывает большая вешняя вода и розливаютца от реке Веряже и Малой Веряжки малые ручья по обе стороны, и тою рекою Веряжею, и Малой речкою Веряжкою, и ручьем Легощею, и малыми ручьями велено владеть Никольского Мостицкого монастыря строителю старцу Сергию всеми рыбными ловли безоборочно, а оборотчику Микифорку Федорову отказано и владеть ему не велено»⁷⁹.

Мостицкий монастырь был приписан к Успенскому Тихвинскому монастырю по указной грамоте царя Алексея Михайловича от 11 марта 1663 г.⁸⁰ Вопрос о правомерности передачи Мостицкому монастырю рыбных ловель был поставлен в 1674/75 г. крестьянами Макаром Ивановым с товарищами присельного к дворцовому селу Ракома сельца Яковлева, земли которого прилегали к Веряже. Они утверждали, что рыбные ловли «не написаны» монастырю в писцовых книгах, а подьячий Савин Яковлев отдал их монастырю «по дружбе без сыску и бес старожиллов»⁸¹. В этом случае власти Успенского Тихвинского монастыря не могли сослаться на записи дозорных книг, так как проводившиеся дозоры пришлись на время запустения Мостицкого монастыря⁸². В 1674/75–1675/76 гг. в Поозерье работала писцовая комиссия Федора Нащокина и подьячего Михаила Колуженинова. Она отдала рыбные ловли на Веряже и «прибылой воде» в половодье крестьянам сельца Яковлева с условием, что оставшиеся после уплаты оброка деньги пойдут к волостной приходской церкви «на строенье, и на свечи, и на ладон»⁸³. Власти Успенского Тихвинского монастыря в челобитной 1678 г. настаивали, что эти монастырские рыбные ловли не записаны в писцовых книгах не только за Мостицким монастырем, но и за другими вотчинниками, монастырь владел ими с 1662/63 по 1674/75 г., отдавал на оброк дворцовым крестьянам, а на вырученные деньги покупал всё необходимое для монастыря и нанимал священника с причтом⁸⁴, права монастыря на ловли до 1674/75 г. никто не оспаривал. Утрата документов на вотчины и угодья в «смутное» время стала проблемой для многих новгородских церквей и монастырей. В 1676/77 г. по челобитной новгородских духовных властей писцу Федору Нащокину было указано проводить в таких случаях обыски для установления прав владельцев⁸⁵. В указной грамоте царя Федора Алексеевича новгородскому воеводе Юрию Михайловичу Одоевскому и дьяку Петру Кудрявцеву от 19 июня 1678 г. писцам было предложено ознакомиться с подлинным делом о рыбных ловлях Мостицкого монастыря 1652/53 г. и принять решение в соответствии с имеющимися в нем документами: «...и буде имете выше писанные рыбные ловли отданы, и владеть велено безоборочно, велели владеть по прежнему указу»⁸⁶. Вероятно, решение признать результаты предшествующего расследования было принято потому, что к 1678 г. уже

не осталось в живых свидетелей-старожилов, которые брали на оброк ловли на Веряже у монастырских властей в начале XVII в., до «смутного» времени. Судное дело с крестьянами сельца Яковлева решили в пользу Успенского Тихвинского монастыря и дали выпись из него на владение ловлями от 30 ноября 1678 г. В качестве правоустанавливающих документов в выписи названы царские указы, переписная книга 1647/48 г. и расследование («сыск»), вероятно, 1652 г. приказчика дворцового села Ракомо Андрея Постниковича Скриплева⁸⁷.

На основании ранее сказанного можно сделать следующие выводы. Все рыбные ловли, которыми располагал Успенский Тихвинский монастырь в XVII в., за исключением ловель приписного Мостицкого монастыря, использовались им с последней четверти XVI в. В жалованных грамотах монастырю ловли не упоминаются. Наиболее весомым правоустанавливающим документом на ловли в первой половине XVII в. были указные с прочетом грамоты царей Василия Шуйского и Михаила Федоровича на ловли на Волхове и Свири. О каких-либо грамотах на ловли, прилегающие к монастырским вотчинам на реках Тихвине, Воложке и Рыбежне, в имеющихся документах не упоминается. Вероятно, они имелись в XVI в., но были утрачены, так как для внесения в дозорные книги сведений об угодьях должны были быть основания. В судебных спорах за эти ловли права монастыря обосновывались записями в дозорных книгах 1582/83 и 1619/20 гг., при этом во второй половине XVII в., после получения указных с прочетом грамот по итогам судебных разбирательств монастырские власти стремились добиться составления отводной книги на ловлю и получить выпись из нее, которая становилась основным документом на владение (Рыбежка, Воложба, Веряжа). Если отсутствовали и грамоты, и записи в дозорных книгах, как это было в случае с ловлями Мостицкого монастыря, то установление прав осуществлялось посредством «обыска», т. е. на основании показаний свидетелей. После чего также составлялась отводная книга и выдавалась выпись. Трудности с реализацией прав на ловли были связаны: 1) с действиями других собственников или оброчников на рыбных ловлях, находящихся ниже по течению рек, так как основной лов проходил во время прохода рыбы из Ладоги на нерест в верховья рек (Свирь, Воложба); 2) с желанием помещиков и крестьян прилегающих к ловлям территорий получить монастырские ловли на оброк или в четвертную пашню (Веряжа, Воложба). Проанализированный материал показывает, что в результате судебных дел о ловлях Успенскому Тихвинскому монастырю удалось подтвердить права на владения угодьями и добиться выдачи необходимых документов.

¹ Абеленцева О. А. Трапеза в Успенском Тихвинском монастыре (по материалам «Указа о трапезе» 1589/90 г. и расходной книги 1590–1592 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 17–19.

- ² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 6. Л. 161–191. Данные получены нами на основании дифференцированного подсчета статей прихода.
- ³ *Абеленцева О. А.* Структура хозяйства Успенского Тихвинского монастыря в последней четверти XVI в. (по материалам расходной книги 1590–1592 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1 (17). С. 22.
- ⁴ Кол — сооружение из бревен поперек течения реки с одним или несколькими загороженными сетями проходами для рыбы. По мнению В. Н. Вакурова, термин «кол» использовался только в новгородских грамотах (см.: *Вакуров В. Н.* Из истории терминологии рыболовного промысла в русском языке // Вопросы истории русского языка. М., 1959. С. 6). Подробнее о ловле при помощи заградительных сооружений см.: *Куза А. В.* Рыбный промысел в Древней Руси. СПб., 2016. С. 87–93.
- ⁵ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. [Серия «Тихвинский архив»]. М.; СПб., 2015. С. 21.
- ⁶ Там же. С. 21, 139.
- ⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 1. Л. 73 об., 146 об.; Кол. 174. Оп. 1. № 510, 522, 526, 533.
- ⁸ Там же. Кол. 174. Оп. 1. № 526, 533.
- ⁹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 52–54.
- ¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 7. Л. 15. Эта расходная книга первая из сохранившихся от XVII в., все предыдущие утрачены в пожаре, случившемся в монастыре в 1623 г.
- ¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 1. Л. 185.
- ¹² Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 52–54.
- ¹³ См., например, оброчную грамоту царя Ивана IV игумену Никольского м-ря Ефрему от 2 февраля 1540 г. (АЮБ. Т. 2. № 173.V. Стб 550–551).
- ¹⁴ См., например, оброчную грамоту царя Ивана IV Троице-Сергиеву м-рю на рыбные ловли в Двинском уезде от 2 января 1581 г. (РГБ. Ф.303.I. № 831. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/showfile.php?col=303.I&manuscript=831&pagefile=P3098897> (дата обращения 22.07.2019)).
- ¹⁵ Такую грамоту следовало скопировать в книгу в Приказной избе и отдать выгодополучателю — монастырю.
- ¹⁶ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 179–193.
- ¹⁷ Там же. С. 211–215.
- ¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 174. Оп. 1. № 510. См. также № 522, 526, 533.
- ¹⁹ Там же. Кол. 174. Оп. 1. № 617.
- ²⁰ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 39–40.
- ²¹ За XVII в., с 1600 по 1638 г. сохранились следующие отписи: Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 1. № 7–9 (1600–1602 гг.), 28 (1623 г.), 60 (1623 г.), 70 (1633 г.); Карт. 2. № 13 (1634 г.), 30 (1636 г.), 50 (1637 г.), 66 (1638 г.).
- ²² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 1. № 7 (1600 г.).
- ²³ Там же. № 8.
- ²⁴ Там же. № 9.
- ²⁵ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 39–40.
- ²⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 1. № 28 (1623 г.), 60 (1632 г.); Карт. 2. № 30 (1636 г.), 50 (1637 г.), 66 (1638 г.).
- ²⁷ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 1. № 70.
- ²⁸ Там же. Оп. 2. № 10. Л. 48; № 15. Л. 26 об. — 27.
- ²⁹ Там же. № 21. Л. 19 об. — 20.
- ³⁰ Там же. Л. 46 об., 155 об.
- ³¹ Так в ркп.
- ³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. № 60. Л. 1.
- ³³ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. № 192 (1643 г.); Карт. 4. № 6 (1654 г.).
- ³⁴ Там же. Кол. 172. Оп. 1. № 355.

- ³⁵ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 20, 138.
- ³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 1. Л. 116 об.
- ³⁷ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 53.
- ³⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. № 7. Л. 3, 7, 14 об., 17.
- ³⁹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 213.
- ⁴⁰ *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому и вокруг Ильмена. СПб., 1792. Табл. 13.
- ⁴¹ Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 30. Гл. IX. Ст. 18.
- ⁴² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 2. № 220. Л. 1–2.
- ⁴³ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 16; Кол. 115. Оп. 1. № 67. Л. 429–434.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 10. № 126.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Карт. 24. № 180.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 6. № 248.
- ⁴⁷ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 82, 49.
- ⁴⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 172. Оп. 1. № 227.
- ⁴⁹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. С. 20, 138.
- ⁵⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 172. Оп. 1. № 204. Л. 2.
- ⁵¹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 172. Оп. 1. № 204. Наказная память новгородского воеводы князя Ивана Андреевича Голицына и дьяка Василия Шпилкина губному старосте Ульяну Дубасову; Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 6. № 114. Наказная память новгородского воеводы Григория Семеновича Куракина и дьяка Ивана Зиновьева; Там же. Карт. 10. № 150. Наказная память новгородского воеводы окольного Дмитрия Алексеевича Долгорукова и дьяка Ивана Рубцова губному старосте Ульяну Дубасову.
- ⁵² Там же. Кол. 172. Оп. 1. № 288.
- ⁵³ Там же. Л. 3–8.
- ⁵⁴ Там же. № 329.
- ⁵⁵ Книга не сохранилась, но выписи из нее имеются в указной грамоте от 10 марта 1684 г. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 32. № 157с. Л. 7: «А угодья к тем Городищам по писцовым книгам Обонежские пятинны Андрея Лихачева 7072-го году написано с мелегжскими помещики и их крестьяны у всего погоста по писцовым книгам Степана Васильевича Собакина кол на реке на Воложке да на реке на Сяси колы. А колят их с весны, а ловят в них лососи».
- ⁵⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 172. Оп. 1. № 329. Л. 2.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 32. № 157с. Л. 5–7.
- ⁵⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 2. 1676–1688. С. 31. № 636.
- ⁵⁹ Соборное уложение 1649 г. С. 87.
- ⁶⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 32. № 157с. Л. 1.
- ⁶¹ Там же. Л. 1–2.
- ⁶² Там же. Л. 2–3.
- ⁶³ Там же. Л. 3.
- ⁶⁴ Там же. Л. 3–4.
- ⁶⁵ Там же. Л. 8–10.
- ⁶⁶ Там же. Кол. 238. Оп. 1. № 353. Л. 12–17.
- ⁶⁷ Там же. Кол. 172. Оп. 1. № 435.
- ⁶⁸ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. № 1354а. Л. 162–165.
- ⁶⁹ ПСЗ. Т. 2. СПб., 1830. С. 900. № 1262.
- ⁷⁰ *Фролов А. А.* Новгородские писцовые книги. М.; СПб., 2017. С. 375–377. Приложение 1. 1688 январь. — Дело об отсылке из Новгородской приказной палаты в Москву в Новгородский приказ писцовых книг Новгородского уезда до 7090 г. (подг. И. Ю. Анкудинова).
- ⁷¹ Данный случай не был исключительным. Например, несколько десятилетий Троицкий Клименецкий монастырь судился за рыбные ловли с крестьянами соседней деревни. См.: *Кожевникова Ю. Н.* Рыболовные угодья Троицкого Клименецкого монастыря в XVI — первой половине XVIII в. // Кижский вестник. 2019. № 18. С. 71–72.

- ⁷² Соборное уложение 1649 года. С. 58–59. Гл. X. Ст. 239.
⁷³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 215.
⁷⁴ Там же. Карт. 1. № 215. Л. 4.
⁷⁵ Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подг. публ. И. Ю. Анкудинов. (Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып. 3). М., 2014. С. 22, 82.
⁷⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 215. Л. 6 об. – 9 об.
⁷⁷ Там же. Л. 12 – 12 об.
⁷⁸ Там же. № 197.
⁷⁹ Там же. Кол. 172. Оп. 1. № 192.
⁸⁰ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 7. № 165.
⁸¹ Там же. Кол. 172. Оп. 1. № 356.
⁸² *Абеленцева О. А.* Землевладение Николаевского Мостицкого монастыря в XV–XVII веках // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4 (12). С. 6–18.
⁸³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 172. Оп. 1. № 363. Л. 3.
⁸⁴ Там же. № 356. Л. 3; № 363. Л. 3.
⁸⁵ Там же. № 356. Л. 7–8.
⁸⁶ Там же. Л. 8.
⁸⁷ Там же. № 363. Л. 1–8.

References

- ABELENТSEVA O. A. *Struktura khozyaystva Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya v posledney chetverti XVI v. (po materialam raskhodnoy knigi 1590–1592 gg.)* [The Structure of the Economy of the Tikhvin Assumption Monastery in the Last Quarter of the 16th Century (on materials the Books for Recording of Expenses (raskhodnaya kniga) of 1590–1592). In Russ.] // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2018. N 1. P. 7–31.
- ABELENТSEVA O. A. *Trapeza v Uspenskom Tikhvinskom monastyre (po materialam “Ukaza o trapeze” 1589/90 g. i raskhodnoi knigi 1590–1592 gg.)* [The Repast in the Tikhvin Assumption Monastery (on the basis of “The Decree on Repast” (Ukaz o trapeze) of 1589/90 and the Books for Recording of Expenses (Raskhodnaya kniga) of 1590–1592). In Russ.] // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2018. N 3. P. 17–19.
- ABELENТSEVA O. A. *Zemlevladienie Nikolaevskogo Mostishchskogo monastyrya v XV–XVII vekakh* [The Land Ownership of the Nicholay Mostishchsky Monastery in the 15–17th Centuries. In Russ.] // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2016. N 4. P. 6–18.
- ABELENТSEVA O. A. (ed.). *Materialy po istorii Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya. Vyp. 1: Akty i materialy pistsovogo dela. Chast’ 1. 1560–1644 gg.* [The materials on the history of the Assumption Tikhvin Monastery. Vol. 1: The acts and materials on the scribal’ work. Part 1. 1560–1644. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg: Al’yans-Arkheo, 2015.
- ANKUDINOV I. Yu. *Il’menskoe Poozer’e i smezhnye territorii v kontse XV–XVII vv.* [Lake Ilmen’ Region and Adjacent Lands from the End of the 15th to the 17th Century]. Moscow, 2014. (Materialy po istorii Novgoroda i Novgorodskoi zemli. Vyp. 3).
- FROLOV A. A. *Novgorodskie pistsovye knigi: istochniki i metody issledovaniya* [Novgorodian Cadastres: Sources and Methods of Research]. Moscow; St. Petersburg, 2017.
- KOZHEVNIKOVA Yu. N. *Rybolovnye ugod’ya Troitskogo Klimenetskogo monastyrya v XVI – pervoi polovine XVIII v.* [Fisheries of the Klimenetsky Trinity Monastery from the 16th to the First Half of the 18th Century] // Kizhskii vestnik. 2019. N 18. P. 64–74.
- KUZA A. V. *Rybnii promysel v Drevnei Rusi* [Fishery in Medieval Russia]. St. Petersburg, 2016.
- OZERETSKOVSKII N. Ya. *Puteshestvie po ozeram Ladozhskomu i Onezhskomu i vokrug Il’menya* [A Journey on Lakes Ladoga and Onega and around Lake Ilmen’]. St. Petersburg, 1792.
- Sobornoe ulozhenie 1649 g.* [The Council Code (*Sobornoe Ulozhenie*) of 1649]. Leningrad, 1987.
- VAKUROV V. N. *Iz istorii terminologii rybolovnogo promysla v russkom yazyke* [Из истории терминологии рыболовного промысла в русском языке] // Voprosy istorii russkogo yazyka. Moscow, 1959. P. 2–20.

Список литературы

Абеленцева О.А. Землевладение Николаевского Мостицкого монастыря в XV–XVII веках // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4 (12). С. 6–18.

Абеленцева О.А. Структура хозяйства Успенского Тихвинского монастыря в последней четверти XVI в. (по материалам расходной книги 1590–1592 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1 (17). С. 22.

Абеленцева О.А. Трапеза в Успенском Тихвинском монастыре (по материалам «Указа о трапезе» 1589/90 г. и расходной книги 1590–1592 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 17–19.

Вакуров В.Н. Из истории терминологии рыболовного промысла в русском языке // Вопросы истории русского языка. М., 1959. С. 2–20.

Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подг. публ. И.Ю. Анкудинов. М., 2014. (Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып. 3).

Коженикова Ю.Н. Рыболовные угодья Троицкого Клименецкого монастыря в XVI — первой половине XVIII в. // Кижский вестник. 2019. № 18. С. 64–74.

Куза А.В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб., 2016.

Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О.А. Абеленцева. [Серия «Тихвинский архив»]. М.; СПб., 2015.

Озерцовский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1792.

Соборное уложение 1649 г. Л., 1987.

Фролов А.А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., 2017.

О. А. Абеленцева. Рыбные ловли Успенского Тихвинского монастыря в XVII в.: получение прав на владение и проблемы их реализации

Статья посвящена изучению особенностей процесса получения Успенским Тихвинским монастырем прав на владение рыбными ловлями, их юридического оформления и трудностей, связанных с реализацией этих прав. Рыба была важнейшим продуктом питания в русских монастырях, где традиционно не употреблялось в пищу мясо. Почти все рыбные ловли монастыря находились в его владении с последней четверти XVI в. Гибель документов монастырского архива в 1612 г. привела к тому, что на некоторые пожалованные обители угодья не сохранилось каких-либо документов за исключением сведений валовых дозорных описаний 1582/83 и 1619/20 гг. В статье на основании архивных материалов изучен состав рыбных ловель монастыря, обстоятельства их получения и основные причины судебных дел, связанных с владением ловлями. Установлены виды документов, на которые ссылался монастырь для обоснования своих прав в спорах с другими претендентами, и порядок получения новых правоустанавливающих документов на эти пожалования во второй половине XVII в.

Ключевые слова: история России XVII в., Успенский Тихвинский монастырь, монастырские архивы, монастырские рыбные ловли, писцовые и дозорные книги, Новгородский уезд.

O. A. Abelentseva. Fisheries of the Tikhvin Assumption Monastery in the Seventeenth Century: Acquisition of Rights of Ownership and Problems with Exercising Them

The article examines peculiarities of the process of acquisition of rights of ownership over fisheries by the Tikhvin Assumption Monastery, legal registration of these rights, and difficulties with exercising them. Fish was one of the most important foodstuffs in Russian monasteries where meat was not traditionally consumed. The Tikhvin Assumption monastery was granted possession of almost all of its fisheries in the last quarter of the 16th century. Since the monastic archive was ruined in 1612, the overall inspection accounts of 1582/83 and 1619/20 became the only remaining documents on some holdings granted to the monastery. On the basis of archival records the article studies the composition of the monastic fisheries, circumstances of their acquisition, and major reasons for legal cases concerning the ownership of the fisheries. It also establishes the kinds of documents used by the monastery to justify its rights over the fisheries in disputes

with other claimants and the procedure of acquisition of new formal ownership titles in the second half of the 17th century.

Key words: the history of Russia in the 17th century, Tikhvin Assumption Monastery, monastic archives, monastic fisheries, scribal (*pistovye*) and patrol (*dozornye*) books, Novgorod *uyezd*.

Абеленцева, Ольга Алексеевна — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Abelentseva Olga Alekseevna — PhD (History), Senior Researcher, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: oaabelen@mail.ru